

Два лома для Судейкина

декабрь 1883 г.

Филер должен быть политически, нравственно благонадежным, развитым, сообразительным, крепкого здоровья, с хорошим зрением и слухом, с внешностью, которая не давала бы ему возможности выделяться из толпы, устраняла бы его запоминание наблюдаемым.

"Драгоценным секретным агентом считается тот, который, оставаясь преданным обществу и его целям, добивается положения выдающегося деятеля революционной партии. Это положение давало возможность знать многое, что делается в революционных сферах"

Из записки «Священной дружины»

Л.А.Тихомиров: «Георгий Порфирьевич Судейкин был типичным порождением и представителем того политического и общественного разврата, который разъедает Россию под гнойным покровом самодержавия. Это не был какой-нибудь убежденный фанатик реакционной идеи, с ожесточением преследующей ее врагов. В Судейкине, напротив, вовсе не замечалось никакого ожесточения против революционеров. Он был просто глубокий эгоист, не стесняемый в своих стремлениях к карьере ни убеждениями, ни какими бы то ни было соображениями гуманности. Убеждений он не имел, а к человеческому страданию, счастью или несчастью, относился с полным безразличием. Он не был положительно зол, вид страдания не доставлял ему удовольствия, но он с безусловно легким сердцем мог жертвовать чужим счастьем, чужой жизнью — для малейшей собственной выгоды или удобства. Его безразличие в этом отношении заходило так далеко, что иногда становилось в противоречие даже с простым благоразумием практического дельца, и возбуждало неудовольствие собственных друзей Судейкина. «Нет, так нельзя, рассуждал однажды Скандраков (ближайший друг и поверенный Судейкина), так нельзя, это уже неблагородно: высосать все из человека, а потом бросить его, как собаку, без всяких средств». Речь шла, собственно, об одном шпионе, бывшем радикале, П. Этот жалкий человек, сделавшись шпионом, выдавал очень быстро всех, кого только знал, и возбудил против себя подозрения революционеров. Выдавать было больше некого, искать новых жертв — опасно, вследствие уже

возникающих подозрений. Таким образом П. сделался бесполезным, и Судейкин забросил его, как выжатый лимон. Этим то и возмущался Скандраков. Читатели не должны, однако, особенно увлекаться «благородством» самого Скандракова. Ведь мы находимся теперь в мире совершенно особенном, где все обычные понятия о нравственности имеют свой оригинальный характер. «Благородство» Скандракова состояло собственно в том, что он старался вновь достать П. «заработок». Он настаивал на том, чтобы выдохшегося шпиона перевести в «нелегальность» и, возбудив таким образом новое доверие к нему среди революционеров, доставить ему возможность опять сделаться «полезным». Судейкин не имел такой сентиментальности и затевал план совершенно иного рода. Дело в том, что Дегаеву нужно было чем-нибудь зарекомендовать себя в революционном мире, и Судейкину пришла счастливая идея — извлечь из П. последнюю выгоду. Он предложил Дегаеву проследить П., доказать перед революционерами его измену и убить его. Таким образом всякие подозрения революционеров против самого Дегаева должны были исчезнуть. «Конечно, замечал Судейкин, жалко его. Да что станете делать? Ведь нужно же вам чем-нибудь аккредитовать себя; а из П. все равно никакой пользы нет». Таких примеров мы могли бы привести несколько. Тому же Дегаеву Судейкин предлагал убить еще шпиона Шкрябу (в Харькове): «Вот, если угодно,—можете его уничтожить, коли понадобится», и т. д. Но гораздо характернее то, что Судейкин и к самому правительству относился несколько не лучше. Как ни приучила нас официальная Россия к зрелищу политического индифферентизма и предательства, деяния Судейкина все-таки невольно поражают даже человека, хорошо знакомого с изнанкой самодержавного строя и настоящей подкладкой реакционных гражданских доблестей. Мы остановимся несколько на этой стороне биографии Судейкина, любопытной особенно потому, что она рисует яркими красками самый строй, которому он служил, или, правильнее сказать, который сам служит привольным пастбищем для ненасытных appetitов этих искателей пирога и приключений.

Нужно заметить, что отношения выскочки-сыщика к верхним правительственным сферам, вообще, не отличались особенным дружелюбием. Он и пугал их и внушал им отвращение. Судейкин—плебей; он происхождения дворянского, но из семьи бедной, совершенно захудалой. Образование получил самое скудное, а воспитание и того хуже. Его невежество, не прикрытое никаким светским лоском, его казарменные манеры, : самый, наконец, род службы, на которой он прославился, все шокировало верхние сферы и заставляло их с отвращением отталкивать от себя мысль, что этот человек может когда-нибудь сделаться «особой». А, между тем, перспектива казалась неизбежной. В сравнении с массой наших государственных людей, Судейкин производил впечатление блестящего таланта. Мужа совета и дела сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое влияние на царя и на дела. Отвращение и страх создавали таким образом постоянную оппозицию против Судейкина. Его старались держать в черном теле. Он же со своей стороны глубочайшим образом презирал всех этих мужей совета и в своих честолюбивых стремлениях не считал для себя слишком высоким какое бы то ни было общественное положение. Ему, которого не хотели выпустить из

роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутренних дел, роль всероссийского диктатора, державшего в своих ежовых рукавицах бездарного и слабого царя. Разлад между радужной мечтой и серенькой действительностью оказывался слишком резок. Судейкин всеми силами старался разрушить такой «узкий» взгляд на себя и постоянно добивался свиданья с царем. Толстой употреблял напротив все усилия не допустить его до этого, и действительно— Судейкин во всю жизнь так и не успел получить у царя ни одной аудиенции, не был даже ни разу ему представлен. Толстой на этот счет — человек ловкий и на своем поставить умеет. Судейкин из себя выходил, но ничего не мог сделать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его от царя. «Если бы мне увидеть Государя хоть один раз, говорил он с досадой, я бы сумел показать себя, я бы сумел его привязать к себе», и он ненавидел гр. Толстого всеми силами души.

Ближайший начальник Судейкина — Плеве — дорожил им совершенно искренне, как человеком, необходимым для собственной карьеры самого Плеве. Он не скупился перед Судейкиным на комплименты и в глаза сказал ему однажды: «Вы должны быть осторожны. Ведь Ваша жизнь, после жизни Государя Императора — наиболее драгоценна для России». Все это было, разумеется, очень лестно и приятно. Судейкин мог, пожалуй, утешаться и тем, что его начальник сходится с ним до некоторой степени даже в нелюбви к графу Толстому. Однако же сплетение взаимной ненависти, интриг и подсиживаний, образующих в общей сложности гармонию российского государственного механизма, представляет для карьеры каждого отдельного честолюбца столько же удобств, сколько и затруднений. Когда Судейкин, в ответ на приведенный выше комплимент, заметил, что Его Превосходительство забывает еще о жизни гр. Толстого, который точно также составляет особенный предмет ненависти для террористов, то Плеве раздумчиво ответил: «Да, конечно его было бы жаль — как человека; однако, нельзя не сознаться, что для России это имело бы и некоторый полезные последствия»... Начальник государственной полиции находил, что Министр Внутренних Дел слишком деспотичен и реакционен. Но отпуская эти фразы, Плеве имеет свою линию. Он кандидат на министерство уж, конечно, не меньше Судейкина. Он гладит по шерстке нужного человека, но вовсе не намеревается строить из себя лестницу для его честолюбия. В общей сложности — Судейкин напрасно рвался на дорогу государственного деятеля. Его постоянно держали в узде, и обходили даже наградами. Он получал ордена, получил даже аренду, но его упорно не допускали до чинов, т. е. до самого главного, чего он добивался. Это, конечно, было самое действительное средство благодетельным образом загоразживать выскочке путь к высоким должностям, и Судейкин за пять лет службы, полной блестящих успехов, мог возвыситься из капитанов всего только в подполковники. Он ждал производства в полковники хотя бы после коронации, во время которой за ним все так ухаживали.

Боязнь допустить повышения Судейкина оказалась, однако, более сильной, чем опасение его раздражить. Спаситель России получил всего-навсего Владимира 4-ой степени и, разумеется, буквально взбесился. Под влиянием таких-то столкновений у Судейкина рождаются планы, достойные действительно времен семибоярщины или бироновщины. Его упорно преследовала соблазнительная мечта, которую он весь последний год жизни лелеял, как Валленштайн свой план измены, не решаясь приступить к осуществлению этих дерзких замыслов, но не решаясь и расстаться с ними. Он думал поручить Дегаеву под рукой сформировать отряд террористов, совершенно законспирированный, от тайной полиции; сам же хотел затем к чему-нибудь придраться и выйти в отставку. В одном из моментов, когда он уже почти решался начать свою фантастическую игру, Судейкин думал мотивировать отставку прямо бестолковостью начальства, при которой он де не в состоянии добросовестно исполнять свой долг; в другой такой момент Судейкин хотел устроить фиктивное покушение на свою жизнь, причем должен был получить рану и выйти в отставку по болезни. Как бы то ни было, немедленно по удалении Судейкина, Дегаев должен был начать решительные действия: убить гр. Толстого, великого князя Владимира, и совершить еще несколько более мелких террористических фактов. При таком возрождении террора — понятно, ужас должен был охватить царя; необходимость Судейкина, при удалении которого революционеры немедленно подняли голову — должна была стать очевидной, и к нему обязательно должны были обратиться, как к единственному спасителю. И тут уже Судейкин мог запросить, чего душе угодно, тем более, что со смертью Толстого — сходит со сцены единственный способный человек, а место министра внутренних дел остается вакантным... Таковы были интимные мечты Судейкина. Его фантазия рисовала ему далее, как, при исполнении этого плана, Дегаев в свою очередь делается популярнейшим человеком в среде революционеров, попадает в Исполнительный Комитет или же организует новый центр революционной партии, и тогда они вдвоем — Судейкин и Дегаев — составят некоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно делами надпольной и подпольной России: цари, министры, революционеры — все будет в их распоряжении, все повезут их на своих спинах к какому-то туманно-ослепительному будущему, которое Судейкин, может быть, даже наедине с самим собою не смел рисовать в сколько-нибудь определенных очертаниях...

Вот собственно каков был по своим "убеждениям" и по своей «верности» этот отчаянный авантюрист, за гробом которого впоследствии несли венок, присланный, по слухам, императрицей и предназначенный «честно исполнившему свой долг до конца», как гласила чувствительная надпись. Можно ли придумать что-нибудь более жестоко-ироническое! И нужно, между прочим, сказать, что Судейкин далеко не оставался в области одних грешных мечтаний. Еще незадолго до смерти он было совсем решился переходить Рубикон. Он уже дал Дегаеву указания об образе жизни гр. Толстого и сообщил необходимые данные для слежения за ним. Точно также он решился устроить покушение и на свою собственную жизнь, для чего уже начал ходить в парк, где Дегаев должен был его якобы подстергать, хотя при всем своем доверии к Дегаеву, Судейкин хотел себе нанести рану непременно сам.

...Судейкин— это была истинно какая-то ходячая язва политической безнравственности, заражающая все вокруг себя, вносящая деморализацию до некоторой степени и в среду революционную. Действуя таким образом, он, конечно, не спасал ни самодержавия, ни вообще что бы то ни было. Он, пожалуй, даже окончательно подрывал собственное дело, потому что сам усиливал процесс гниения, которым заражена официальная Россия, отнимая у ней, таким образом, всякие шансы на возможность возрождения. Но, с другой стороны, система эта подрывает созидательную способность вообще в стране, а потому ослабляет ее.

...Дегаев целых восемь месяцев откладывал расправу с Судейкиным! Некоторое время, необходимое для удаления за границу лиц особенно скомпрометированных, он, конечно, должен был щадить его. Но еще больше затягивалось у него дело, думаю, потому, что он колебался... Не то чтобы он хотел совсем увильнуть — это было бы невозможно. Но он был по темпераменту совсем не террорист, он даже не был храбрым, а убийство такого человека, как Судейкин, было дело нелегкое и весьма рискованное. Вот Дегаев и откладывал под разными предлогами и тянул время."

Г.А.Лопатин: "Впоследствии Ошанина говорила ему, что они (Ошанина и Тихомиров) не посмели сказать ему правды из опасения, что он, из нравственной безразличности, отшатнется навек от группы, среди которой мог зародиться и существовать так долго такой ужасный политический разврат, а между тем все они сильно рассчитывали на Лопатина."

Г.П.Судейкин: "Полицейский агент должен быть готов выполнять две главные функции. Первая — информационная: проникать на все собрания революционеров, выявлять их конспиративные квартиры, стремиться быть полностью в курсе деятельности революционных организаций и отдельных революционеров и систематически правдиво информировать обо всем этом охранное отделение. Вторая — активная: проникнув в революционные организации, подстрекать к осуществлению крайних мер, желательно откровенно анархистского порядка, как-то бунт, когда бы разбивались и разграблялись магазины и торговые склады, поджигались дома жителей, открывалась беспорядочная стрельба по представителям полиции, бросались бомбы, и т. п."

Л.А.Тихомиров: "Я, по правде сказать, не знаю никаких подробностей о пособничестве убийству Германа Лопатина, находившегося тогда в Петербурге. Какое-то пособничество было, но какое — не знаю. Вероятно, Герман Лопатин предпочел ничего об этом не разглашать, хотя бы даже и мне: ведь я до тех пор не был с ним даже и знаком. Но что касается Куницкого, то он все время стоял, как говорится, с ножом у горла над Дегаевым. Он не имел ни искры доверия к нему. Но Дегаев все-таки пытался оттягивать. Он даже предлагал подстеречь Судейкина в каком-то парке, тогда как самое простое место представляла его собственная квартира на Невском проспекте (дом 91, квартира 13), где он жил под фальшивой фамилией Яблонского."

Из обвинительного акта "процесса 21-го": "По ...плану Судейкина Дегаев должен был выстрелить Судейкину в левую руку во время прогулки его в Петровском парке и скрыться на

лошади, приготовленной заранее самим же Судейкиным; а во время болезни последнего от этой раны должно было последовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убийство министра внутренних дел, графа Толстого".

Л.А.Тихомиров: "В конце концов Судейкин, после совещания с доктором, не решился, впрочем, нанести себе даже малейшей раны и ограничился тем, что подал Плеве прошение об отставке. Просьбы Плеве еще более поколебали Судейкина, подав ему надежду победить начальство без кровопролития. Но он все-таки решительно заявил, что не останется на службе далее мая 1884г., до которого срока и отложил еще раз исполнение своих замыслов, прекративши, разумеется, и слежение за Толстым. Но если Судейкин, таким образом, робел несколько раз перед своим отчаянным предприятием, в котором рисковал головой, при малейшей нескромности помощников,—то с другой стороны он энергично и неустанно преследовал другую, уже вполне безопасную часть плана: подбор лиц, на которых мог бы опереться, достигнув могущества. Он систематически окружал себя своими креатурами, выбирая людей не только способных, но безусловно лично ему преданных. Все эти Скандраковы, Судовские, Сидрины и т. д.— люди всех степеней сыскной иерархии — все друзья его, земляки или еще чаще родственники. Он их вытаскивал за уши из всех нор и группировал около себя. Он наполнял ими все места и стремился превратить секретную полицию в некоторую организацию, связанную с ним неразрывными узами приятельства, материальных интересов, совместного успеха и совместного риска. Тут уже Судейкин не забывал и не выдавал друзей и клиентов. В свою очередь он также мог смело полагаться на них.

Все эти планы Судейкина, я знаю, конечно, только от Дегаева. Во всей полноте он их рассказал уже после убийства. А до убийства сообщил только, что при помощи Судейкина может убить Толстого и еще какое-либо высокопоставленное лицо, а потом уже покончить и с Судейкиным. Не помню, через кого он сообщил эти планы. Кажется, через жену, которую выслали за границу (кажется, с братом Володей) и которую мы отправили в Лондон, не желая иметь над душой, так сказать, вернопреданную дегаевскую шпионку. Я ему все время не верил... Кстати сказать, Маклецова пишет, будто бы Дегаева каждый день обедала у меня. Это вздор. Может быть, когда-нибудь я и накормил ее, но вообще она у нас не обедала. В этом для нее не было надобности, а мне было очень важно, чтобы она поменьше шлялась ко мне. Что касается новых планов Дегаева, то я из них увидел только, что он оттягивает дело. Сверх того, убивать графа Толстого и каких бы то ни было высокопоставленных лиц не было ни малейшей надобности. Поэтому я известил Дегаева, чтобы он оставил в стороне все эти планы и как можно скорее кончал с Судейкиным.

Система Судейкина была вполне определена: он поставил себе за правило — обращаться с предложением поступить в шпионы — решительно ко всякому. Чем мотивировать такое предложение — это все равно. Будет оно принято или отвергнуто с презрением — это, конечно, не все равно, но труд и хлопоты в обоих случаях не пропадают даром, потому что бесплодные переговоры, бывшие у полиции с честным человеком, делают менее заметными те переговоры, которые по отношению к какому-нибудь негодяю увенчались полным успехом;

вообще, все это отнимает у массы зрителей возможность провести ясное различие между обоими лицами, и, наконец, приучает всех к мысли о естественности и законности собеседовании порядочного человека с чинами секретной полиции. На таких же основаниях Судейкин не жалел бросать деньги, по-видимому, совершенно зря — таким людям, которых агентура была совершенно фиктивна, потому что они, очевидно, лукавили с полицией. С точки зрения Судейкина—это не составляло еще важности. Нужно было приучить людей брать деньги от полиции: вот главная задача, и в этом смысле, пожалуй, даже лучше, если на первое время будут попадаться люди, которые деньги возьмут, а шпионской роли исполнять не станут. Это опять затрудняет для зрителей возможность разобраться, кто шпион, кто нет, и позволяет шпиону утверждать, что он обманывает полицию и только высасывает из нее деньги. Нельзя, к сожалению, не заметить, что таким путем деморализация и действительно проникала в общество и молодежь.

...Петербургский кружок народовольцев, в числе которых состоял и Куницкий, стал сильно заподозривать Дегаева и наконец потребовал у него разъяснения его действий. Дегаев, припертый к стене, сознался им в том, что сделался агентом Судейкина, но сказал также, что по поручению заграничных членов комитета должен убить его. Тогда Куницкий заявил ему то же самое, что я, то есть что если так, то нечего тянуть дело, а нужно кончать его немедленно. Дегаеву пришлось волей-неволей оставить всякие дальнейшие оттяжки. По словам Дегаева, а также и по показаниям Стародворского и Конашевича, этих последних пригласил для совершения убийства именно он. По моим сведениям, это неверно. Стародворского и Конашевича пригласил Куницкий, и после этого Дегаев уже не мог отговариваться тем, что у него нет помощников. Если Конашевич и Стародворский указали на суде на Дегаева, то это, вероятно, для того, чтобы не запутывать в дело Куницкого, который в это время находился на свободе.

С 3-го декабря 1883 г. Дегаев, под фальшивым паспортом Яблонского, проживает в собственной квартире на одном из тех дворов, которые выходят одним фасом на Невский, другим на Гончарную (№ 91—12). Самая квартира расположена во дворе, в 3-м этаже, окнами на двор и имеет единственный ход со двора же, из-под ворот (по Гончарной). Квартира эта довольно большая и состоит из кухни, передней и трех комнат (столовая, кабинет, спальня), расположенных амфиладой. Меблирована она, однако, довольно беспорядочно.

Дегаев раньше жил с женой, Судейкин—большой приятель Дегаева — часто посещал супругов, по делам и без дел, ел и пил у них, засиживался до поздней ночи. Он является очень часто со своим племянником и вместе с тем казначеем, Судовским, а другой его приближенный человек и чуть ли тоже не родственник, Сидрин (простой шпион), бывает у Дегаевых чуть не каждый день. Вообще — отношения вполне интимные, и Судейкин, при всей своей осторожности и подозрительности, здесь очевидно ничего не опасается. В ноябре месяце г-жа Дегаева собирается уехать за границу; Судейкин дает ей деньги, дает фальшивый заграничный паспорт. Он полагает, что она едет следить за эмигрантами. Дегаев, оставшись один, для полного успокоения Судейкина, просит его дать ему слугу из шпионов. Просьба, разумеется, удовлетворяется и какой-то сыщик, шурин

Сидрина, делается лакеем Дегаева, проживая, впрочем, под фальшивым видом, якобы сына дьячка, Константина Александрова. Таким образом Судейкину не может придти в голову даже самая мысль об опасности посещать его квартиру.

А между тем смерть уже приближалась к нему. Дегаев пробовал стрелять в комнате—и оказалось, что звук не слышен вне квартиры. Его пособники уже входили в квартиру и осмотрели ее. Они обсудили, какое орудие будет наиболее подходящим для убийства и остановились на железных, полупудовых ломах, около аршина длиной. Оружием для себя они выбрали железные ломы с обрубленными концами. Конечно, для такого страшного оружия нужно было иметь большую силу и стальные нервы... Наконец, был назначен день...

Дегаев должен был устроить так, чтобы в этот день к нему пришел Судейкин, и чтобы Константина в то же, время не было дома. Такой случай очень скоро сам явился на помощь заговорщикам. Константин отпросился отлучиться из дому на парад, и Дегаев тотчас же написал Судейкину, что желает его видеть. Все было готово... Так кончилась эта жизнь переносящая вас мысленно куда-то далеко, ко временам какого-нибудь Гришки Отрепьева; а через несколько дней полицейская Россия уже воздала последний долг своему герою и проводила его на кладбище, мрачно и уныло, среди тоскливых опасений за свою собственную судьбу...

Местом трагедии была назначена его квартира. Дегаев должен был пригласить к себе Судейкина, а Стародворский и Конашевич должны были спрятаться в другой комнате и в кухне. Оружием для себя они выбрали железные ломы с обрубленными концами. Конечно, для такого страшного оружия нужно было иметь большую силу и стальные нервы... Когда все было готово, Дегаев все-таки раз отсрочил катастрофу. Он сказал обоим сотоварищам, чтобы они уходили, потому что уже поздно и Судейкин, очевидно, не придет. Они ушли, а Судейкин явился после их ухода... Стародворский и Конашевич очевидно не верили Дегаеву и сговорились, что в другой раз они не уйдут, несмотря на его приглашение... Наступил этот второй раз...

Из обвинительного акта по "процессу 21-го:" О двойственной роли Дегаева, т. е. о том, что он состоял агентом у Судейкина, он, Стародворский, узнал уже позже, именно в день первой попытки на убийство Судейкина, 6 декабря 1883 г., но не от самого Дегаева, который хотя и признавал это, но избегал по этому вопросу каких-либо объяснений. Первоначально решено было совершить убийство без употребления огнестрельного оружия, чтобы избежать шума, и потому орудием убийства должны были служить ломы а, в случае необходимости, кинжал. Когда орудие убийства было окончательно избрано, он, Стародворский, в первых числах декабря купил два лома в лавке на Невском проспекте, вблизи квартиры Дегаева и там же при себе приказал обрубить их, так как они были слишком длинны. Эти ломы он привез из лавки к себе на Большую Садовую, а впоследствии уже перевез их в квартиру Дегаева. Затем было назначено время убийства, к которому Дегаев пригласил к себе подполковника Судейкина; Стародворский же заранее

поместился в спальне Дегаева, Конашевич в коридоре, а Дегаев в ватерклозете, чтобы наблюдать в окно, выходящее на лестницу, за прибытием Судейкина. Судейкин к назначенному часу не приехал, и это так сильно встревожило Дегаева, вообще трусливого по природе, что минут через десять он вышел из ватерклозета и попросил их удалиться из своей квартиры. В это время раздался звонок у входной двери, и все поспешно заняли свои места. Дегаев вошел в ватерклозет и увидел, что звонит дворник, почему и не отпер двери; а вслед за этим Дегаев услышал внизу лестницы голос Судейкина, который спрашивал дома ли Дегаев. Узнав об этом, он, Стародворский и Конашевич послали Дегаева вниз пригласить Судейкина, но последний успел уже сесть в карету и уехать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней через семь или восемь. В этот раз, ближе ознакомившись с расположением комнат квартиры Дегаева, они с Конашевичем разместились иначе и решили употребить в дело револьвер, полагая, что выстрела вне квартиры слышно не будет. Прежнее размещение признано было неудобным, так как никого бы не было вблизи передней, вследствие чего выход из квартиры остался бы не защищенным, и потому Конашевич поместился в кухне, дверь из которой выходила в переднюю. В этот раз Судейкин в назначенное время не приехал, и Дегаев поспешил удалить их из своей квартиры. В промежуток времени между этой последней попыткой и следующей Дегаев предлагал еще другой план убийства Судейкина. По словам Дегаева Судейкин предполагал устроить фиктивное покушение на свою жизнь с целью: во-первых, устранить возникавшие в среде революционной партии подозрения относительно Дегаева, а во-вторых, получить таким путем повышение по службе.

По этому плану Дегаев должен был выстрелить Судейкину в левую руку во время прогулки его в Петровском парке и скрыться на лошади, приготовленной заранее самим же Судейкиным; а во время болезни последнего от этой раны должно было последовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убийство министра внутренних дел, графа Толстого. Дегаев предложил им воспользоваться означенным планом фиктивного покушения на жизнь Судейкина для того, чтобы на самом деле убить его, на что Стародворский и изъявил согласие. Роли осуществления этого последнего плана были распределены так, что Конашевич принимал на себя обязанность кучера Дегаева, а он, Стародворский, должен был прибыть в парк заранее и выстрелить в Судейкина. Покушение это предполагалось произвести 19 декабря; но вскоре Дегаев отказался от этого плана, опасаясь, с одной стороны, промаха, а с другой засады со стороны Судейкина.

Тогда решили обратиться к прежнему плану, согласно которому преступление и было совершено 16 декабря. В этот раз он, Стародворский, поместился в спальне, а Конашевич — в кухне. До звонка у входной двери все сидели в спальне, когда же раздался звонок, Конашевич отправился на назначенное ему место в кухню, а Дегаев пошел отворить дверь. Еще ранее решено было, что когда Судейкин войдет в комнату, что перед спальней, то Дегаев выстрелит в него сзади, вследствие чего Судейкин, по предположению, должен был броситься вперед, т. е. в спальню, где его встретит он, Стародворский.

16-го декабря 1883 г. он (*Судовский*) с подполковником Судейкиным отправился в эту квартиру в пятом часу пополудни по предварительному уговору Дегаева. Человека Дегаева, Суворова, не было дома, Дегаев сам отпер дверь и, впустив их, запер ее. Войдя в квартиру он, Судовский, снял и повесил свою шубу в передней, а подполковник Судейкин, не останавливаясь в этой комнате, прошел прямо в следующую залу, где бросил на диван свое пальто, в кармане которого был револьвер, и тут же оставил палку со стилетом. Затем подполковник Судейкин прошел вместе с Дегаевым в следующие комнаты, а он вошел в залу и сел в кресло. Через несколько минут совершенно неожиданно на него напали сзади, по-видимому, два человека и почти одновременно с этим в комнатах, где был Судейкин и Дегаев, послышался шум, глухой звук выстрела и голос Судейкина, кричавшего насколько ему помнится: «Коко, беги сюда и бей их из револьвера». Получив затем сильный удар в голову, он, свидетель, потерял сознание и происходившее впоследствии совершенно не помнит.

...Вскоре после звонка Стародворский услышал шаги, а затем и выстрел в соседней комнате. Прождав момент и видя, что Судейкин не показывается в спальне, он бросился в комнату, откуда был слышен выстрел, и увидел Судейкина на пороге лицом в гостиную.

Стародворский, ударил его ломом, но так как Судейкин занимал неудобное для удара положение, то лом только скользнул по нем, не причинивши существенного вреда. После удара Судейкин, держась левой рукой за бок, с криком побежал в переднюю, где в это время возле выходной двери находились Судовский и Конашевич. Здесь он снова ударил Судейкина в висок и увидел, что Конашевич в то же время наносил удары Судовскому. От последнего удара Судейкин упал, как показалось ему, Стародворскому, без признаков жизни, но через несколько мгновений вскочил и вбежал в ватерклозет, удерживая руками изнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, он, Стародворский, вставил ногу между дверью и косяком, причем одной рукой старался оттянуть дверь, а другою бил Судейкина ломом по рукам. Когда дверь таким образом была им вырвана из рук Судейкина, то последний вместе с дверью оказался в передней, где Стародворский нанес ему еще несколько ударов ломом по голове, в затылок. От этих ударов Судейкин опрокинулся назад в ватерклозет; здесь он еще раз ударил Судейкина ломом, причем разбил находившийся там ночной горшок, и прекратил нанесение ударов, лишь убедившись, что Судейкин мертв.

...Конашевич, немедленно вышел из кухни в переднюю; куда одновременно с ним выбежали из гостиной Судовский, Судейкин. Дегаев и Стародворский.

Судовский бросился на него, Конашевича, но он нанес ему удар ломом, после которого Судовский бросился к выходной двери, где он, Конашевич, нанес ему еще несколько ударов, от которых Судовский упал. В это время Судейкин вбежал в ватерклозет, возле которого между ним и Стародворским произошла продолжительная борьба, следить за которой он не мог, будучи отвлечен борьбою с Судовским. Дегаев же, лишь только во время борьбы их освободилась выходная дверь на лестницу, отпер ее и быстро убежал, даже не затворив за собой двери.

В это время Судовский лежал на полу в передней на меховом пальто; Конашевич же ушел во внутренние комнаты за своей одеждой и затем совершенно удалился, а он, Стародворский, остался еще в квартире, чтобы взять, по поручению Дегаева, некоторые вещи и кинжал, во избежание, чтобы по этому кинжалу не отыскивали его прежнего владельца. На это потребовалось минут пять времени, в течение которого он ходил со свечей по разным комнатам. Уходя из квартиры, он запер за собою дверь на ключ, который бросил на Невском проспекте. Преступление было совершено между четырьмя с половиною и пятью часами по полудни, и в тот же вечер он, Стародворский, печатал прокламации об этом убийстве, как объяснено выше.

После нанесения нескольких ударов Судовскому, когда последний, равно как и Судейкин, свалился с ног, ..Конашевич, отправился в спальню Дегаева, где переоделся и немедленно удалился из квартиры, оставив там одного Стародворского, и в тот же вечер уехал из Петербурга по Варшавской дороге, одновременно с Дегаевым. Отправляясь 16 декабря 1883 г. в квартиру Дегаева в качестве одного из участников убийства Судейкина, он, Конашевич, не рассчитывал возвратиться живым, так как предварительно решено было убить Судейкина, если бы даже он пришел в сопровождении нескольких человек, но самим живыми в руки власти не отдаваться.

16 декабря 1883 года около 9-ти часов вечера в доме 93 по Невскому проспекту, в квартире № 13, были найдены мертвым, с явными признаками насильственной смерти, инспектор С.-Петербургской секретной полиции подполковник Георгий Порфирьевич Судейкин и тяжело раненный в голову чиновник полиции Николай Судовский.

По Судебно-медицинском вскрытии трупа покойного врачи дали заключение, что смерть подполковника Судейкина последовала от безусловно смертельного повреждения костей черепа, имеющих несколько трещин, а равно и от огнестрельной раны, проникающей в полость живота и осложненной разрывом ткани печени, и последовавшим за этим разрывом кровоизлиянием в названную полость. Все приведенные повреждения по свойству своему были прижизненны, причем огнестрельная рана, вероятно, предшествовала другим повреждениям, сама по себе должна быть признана безусловно смертельною, хотя смерть после причинения этой раны могла и не последовать немедленно. Повреждения головы, по заключению экспертов, последовали, вероятно, от нанесенных сзади ударов тупым орудием, которым могли быть и найденные в квартире ломы.

При осмотре доставленного в Рождественский барачный лазарет Николая Судовского у него оказались две раны на макушке головы с раздроблением теменных костей, нанесенные, как видно из скорбного листа, тяжелым орудием, по-видимому ломом."

А. А. Половцев, из дневника, 18 декабря 1883 года:"В 2 часа у Толстого (*министра внутренних дел*), весьма взволнованного убийством Судейкина. Судейкин был выдающаяся из общего уровня личность, он нес жандармскую службу не по обязанности, а по убеждению, по охоте. Война с нигилистами была для него нечто вроде охоты со всеми сопровождающими ее впечатлениями.

Борьба в искусстве и ловкости, риск, удовольствие от удачи — все это играло большое значение в поисках Судейкина и поисках, сопровождающихся за последнее время чрезмерным успехом".

П.А. Валуев, МВД, из дневника, 19 декабря 1883 г.: "Третьего дня убит известный Судейкин, главный заправитель государственной тайной полиции. Его заманил на одну из занимаемых им квартир живший в этой квартире его же агент (Дегаев), которого предательство, вероятно, было подмечено террористами, и они представили на выбор — погибнуть или выдать Судейкина Сопровождавший сего последнего его родственник и агент (кажется, Садовский) избит железными ломami, и хотя еще жив, но почти бессознателен. Сильное впечатление. Большой переполох. Ген[ерал, товарищ министра внутренних дел П.В.] Оржевский все предоставил Судейкину, и с ним пропадают все нити, бывшие в его руках. У нас по этой части азбучное неумение."

Александр III: "Я думаю, много тут правды. Действительно, Судейкин последнее время был странен, и все его действия нам не известны."

Л.А. Тихомиров: "Что касается Дегаева, то он во время этой бойни выскочил на лестницу и удрал, даже не затворивши за собой двери, и прямо отправился на Варшавский вокзал."

Оба же его товарища, почистившись от крови и пыли, тоже удалились незамеченными и были арестованы только через несколько месяцев, причем полиция первое время даже и не знала, что они убийцы знаменитого гения сыска."

ИК "Народной Воли, 26 декабря 1883:" "...Исполнительный комитет, как представитель политической партии, не счел себя вправе действовать подобно частному лицу в обыденной жизни и руководствоваться в своем решении только нравственной брезгливостью да требованиями отвлеченной справедливости. Напротив того, он полагал, что его прямая обязанность состояла в том, чтобы, обеспечив—путем ли физической смерти или иными способами — полное уничтожение личности Дегаева для партии, правительства и общества, достигнуть вместе с тем и некоторых других важных целей.

А именно — нашел необходимым: 1) спасти прежде всего тех из действительных деятелей, которые, хотя и были указаны полиции, находились еще на свободе; 2) вывести из-под надзора полиции указанные ей учреждения и скрыть их вполне надежным образом; 3) отобрать у Дегаева подробные сведения обо всех наемных агентах и добровольных пособниках политической полиции; 4) и наконец, казнить самого Судейкина (но непременно руками самого Дегаева), ибо этот неутомимый сеятель политического разврата должен был, по мнению Комитета, погибнуть в той самой яме, которую он рыл другим, оставив собственной гибелью вечно памятный урок того, как ненадежно все, основанное на предательстве.

...Вынужденный горькой необходимостью преодолеть свою нравственную брезгливость и законное негодование и воспользоваться услугами Дегаева И. К. нашел справедливым заменить ему смертную казнь безусловным изгнанием его из партии с запрещением ему, под опасением смерти,

вступать когда-либо на почву русской революционной деятельности.

И. К. приглашает всех членов партии Н. В. следить за точным выполнением этого приговора, а также за поведением других лиц, запятнавших себя договорами с Судейкиным, Плеве и вообще полицией.

Пусть эти лица знают, что организация предупреждена об их проделках, и помнят, что в настоящее время единственный выход для них составляет добровольное удаление к частной жизни. Несмотря на всю важность занимающих его внимание целей, И. К. найдет время неуклонно преследовать дело очищения русской политической атмосферы от деморализации, развитой в ней Судейкиным."

Н.Ф.Бунаков: "...Ужасы России в 80-х годах немного отстали от ужасов царствования Иоанна Грозного."